

УДК 82(4)-3.09(045)

**ВЛИЯНИЕ ПСИХОЛОГИИ НА ЛИТЕРАТУРУ
В КОНТЕКСТЕ РУБЕЖА ВЕКОВ И МОДЕРНИЗМА****канд. филол. наук, доц. М.С. РОГАЧЕВСКАЯ**
(Минский государственный лингвистический университет)

Исследуется проблема влияния психологии на художественную литературу на рубеже XIX – XX веков и в период модернизма. В частности в связи с особой ролью клинического психоанализа в биографиях многих европейских писателей начала XX века, а также ввиду сочетания их литературной и научной деятельности можно констатировать сознательное ориентирование В. Вулф, Д.Г. Лоуренса, Г. Гессе и других на ставшие популярными теории З. Фрейда и К.Г. Юнга. Приводятся научные выводы зарубежных исследователей, выделяющих основные факторы указанного влияния, а также рассматриваются отдельные тенденции в изменяющейся форме и идейном содержании создаваемых произведений. В качестве примера новой формы психологизма рассмотрен роман И. Зевево «Самопознание Дзено». На примере белорусского писателя Ст. Гринкевича выделен дополнительный фактор интердискурсивного характера исследуемого процесса – художественная эссеистика, пропагандирующая достижения психологии и психоанализа. Сделан основной научный вывод, который заключается в выделении нескольких фаз влияния психологии на литературу и представлении жанра психоаналитического романа в качестве одной из новых форм психологизма в романном творчестве.

Взаимоотношения науки и литературы имеют свою историю, начало отсчета которой относится приблизительно к так называемой «научной революции» XVII века. Французский ученый, философ и писатель Б. Паскаль создал убедительные на то время труды о взаимодействии науки и литературы. При этом он подчеркивал, что литература имеет более мощный потенциал для интерпретации любого научного знания, его распространения и популяризации. «Знание явлений физического мира не приносит мне успокоения, если я не владею знанием о морали во времена бедствий. Но знание этики всегда успокоит меня при отсутствии знания наук физических» [1, с. 10], – писал философ.

В своем трактате «Воздействие науки на общество» (1952) Б. Рассел размышлял о той глобальной роли, которую научное мышление играет в процессе развития таких сфер социальной жизни, как производство, технический прогресс, война, общественное мнение, ценностные ориентиры и политика. Философ отмечает, что с приходом позитивного научного знания, и особенно опытного доказательства этого знания, из общественного сознания и различных ритуальных практик постепенно исчезли жертвоприношения, преследования «ведьм», религиозные устрашения, вера в провиденциальную силу затмений, комет и других астрономических «симптомов». При этом Б. Рассел отмечает: «Только во времена короля Карла II научное отрицание религиозных суеверий стало общепринятым среди образованных людей» [2, с. 4]. Но Палата общин, однако, еще не примкнула к прогрессивному мышлению, усмотрев в эпидемии чумы и лондонском пожаре причины недовольства Всевышнего трудами господина Томаса Гоббса, запретив публикацию его работ в Англии. Философ с иронией отмечает, что «мера оказалась эффективной: ни разу с тех пор ни чумы, ни Великого Пожара в Лондоне не случилось» [2, с. 4]. Данный факт подтверждает существование определенного «порога сопротивляемости», который неизбежно разделяет знание сугубо научное и знание эмпирическое, перцептивное, эстетическое. Строго научное знание – знание количественное. Однако существуют области человеческого опыта, на поддающиеся математическому исчислению или классификации в пределах непреложного закона.

Как отмечает исследователь А. Тайер, пожалуй, только в эпоху, непосредственно предшествующую модернизму, мы имеем ситуацию, когда «литература и наука сливаются воедино настолько, что литература фактически и есть наука, а наука черпает идеи для своих открытий из литературы» [3, с. 3]. В своей книге «Литература отражает науку: модернистские писатели от Пруста до Борхеса» А. Тайер изучает взаимодействие между наукой и литературой, которое было актуализировано, по его мнению, Р. Музилом, М. Прустом, Ф. Кафкой, Дж. Джойсом. Кроме того, автор рассматривает также влияние палианской и ньютоновской космологии, дарвинизма, эпистемологии, теории относительности, квантовой механики на изменение дальнейшего характера литературного процесса, в частности, на литературные эксперименты модернистов, включая также романы В. Вулф, У. Фолкнера и Х.Л. Борхеса. То, что наука сыграла решающую роль в изменении тематики и ценностных ориентиров, убедительно демонстрирует А. Тайер

Известный писатель и критик М. Брэдбери также отмечает, что модернизм «способствовал стиранию жестких разграничительных линий между литературой, философией и науками» [4, с. 128]. Многие

писатели-модернисты служат примером такого размывания границ: Эрнст Мах вместе с физикой занимался вопросами психологии, философии и этики; Роберт Музиль, начав карьеру технолога, заинтересовался философией, прежде чем стать тем писателем, которого мы знаем, он также изучал психологию и психопатологию; Герман Брох также совмещал карьеру инженера, менеджера, математика, философа и писателя; американец Уильям Карлос Уильямс – писателя и практикующего терапевта; С. Беккет глубоко изучал физику, биологию и математику, о чем свидетельствуют его заметки 1930-х годов; О. Хаксли «интересовался тем, как художники слова могут и должны инкорпорировать научные идеи в свои произведения, и в его собственных художественных и нехудожественных работах присутствует множество ссылок на современные ему достижения в биологии, химии и физике» [5, с. 199].

Психология, сравнительно молодая наука (ее статус как таковой относят к середине XIX века), но популярная, развивающаяся и влиятельная, оказала неопределимое воздействие на художественное сознание английских романистов в период рубежа XIX – XX веков и в эпоху модернизма, привлекая творческий интерес таких писателей, как Г. Джеймс, В. Вулф, Д.Г. Лоуренс, Г. Рид, Г. Гессе, М. Пруст и др. Писатели заимствовали и трансформировали научные идеи и концепции, представляющие психологическую науку, что сказалось на новых художественных формах воплощения этого знания и его непосредственной причастности к психологизму художественного произведения.

Как отмечает К.М. Мэй, «в девятнадцатом веке психология все больше отделялась от дисциплины, из которой она вышла – философии, и становилась наукой, осознающей себя в качестве самостоятельной дисциплины. На рубеже веков психология переросла в полностью проработанную дисциплину, хотя и не всегда представленную в концентрированной форме, многие из представителей которой мало интересовались современными им философскими идеями. С тех пор некоторые области психологии стали строго научными, в то время как другие продолжали оставаться квазифилософскими. Одна крайняя ветвь – это бихевиористы; другая – пионеры психоанализа, которые продолжали держаться как философы, во всяком случае, в пределах создания системы ценностей, а также те современные психологи, чьи идеи произрастали из феноменологической философии. Однако это был век, в котором огромный объем системных исследований был посвящен непосредственно интеллекту и в котором некоторые романисты (в большей степени, чем поэты и драматурги) пытались, в отсутствие унаследованной внешней схемы, извлечь смысл и ценность из работы человеческого сознания» [6, с. vii – viii].

Анализируя отличия психологического романа модернизма от предшествующих образцов этого жанра, Дж.У. Бич также констатирует: «На новых людей, естественно, повлияла новая психология» [7, с. 278]. При этом новые черты их техники письма он называет «романтическими» в противопоставление «классическим» в искусстве. Эти формы были многократно изучены и классифицированы; литературоведение оперирует набором терминов и понятий, которые описывают так называемые «формы психологического изображения» в литературе, а также экспериментальные приемы модернистского письма. На фоне классических форм психологизма (называние психологических и ментальных процессов, ассоциативные связи психики и окружающего мира, авторский анализ психологии героя и др.), восприятие модернистского текста читателями начинает подчиняться не столько интеллектуальным мыслительным процессам, сколько процессам, описанным в психологии как «перцептивные», т.е. основанные на первичной обработке сенсорной информации, полученной из различных органов чувств: зрения, слуха, обоняния, осязания и тактильности. «Подобно глазу, способному проследить траекторию между разрозненными точками и черточками, они (*новые писатели*, прим. наше – М. Р.) знают, что воображение обладает способностью заполнять пробелы в событиях, представленных фрагментами, способностью дать представление о целой жизни..., что воображение стимулируется и еще больше активизируется, возбуждается с помощью обрывков информации так же, как и нервы получают стимул от перерыва в электрическом токе» [7, с. 280], – комментирует данный процесс Дж. Бич. Меняется, таким образом, целевая направленность художественного произведения: полагаясь на впечатления от органов чувств, роман пытается дать представление о психике, или душе. Понятию души в современном гуманитарном дискурсе фактически соответствует понятие психики, что в свою очередь также подчеркивает факт трансформации литературного дискурса путем изживания религиозно-мистического и адаптации научного лексикона.

К категории авторов, для которых психология – одна из составляющих картины мира, исследователь психологической литературы К.М. Мэй относит А. Беннета, Дж. Голсуорси, Т. Драйзера, Дж. Стейнбека, Н.А. Пастернака, В. Солженицына [6, с. vii]. Исследователь отграничивает данную группу от тех писателей, которые осознанно ищут ответ на вопрос: «Что такое человек внутри своего я в отсутствие религиозных, философских и социальных категорий?». В качестве примера такого разграничения можно привести двух романистов, живших в одно и то же время, в одинаковой степени осознававших влияние среды, окружения и социальной истории на человека: Д.Г. Лоуренса и Э.М. Форстера. Но при этом для Д.Г. Лоуренса человеческое бытие было, по словам К.М. Мэя, «таинством» (*mystery*), а для Форстера, в его собственном выражении – путаницей, неразберихой (*muddle*). Из двоих – именно Д.Г. Лоуренс ис-

следует человека осознанно, отталкиваясь (при этом не важно, соглашаясь или оспаривая) от появившихся концепций личности в психологии. Очевидно, что из всего арсенала психологических концепций писатель выбирает материал по своему усмотрению, невзирая на постулаты и результаты наблюдений и экспериментов. В этой связи К.М. Мэй отмечает: «Так, идеи Лоуренса иногда схожи с идеями Юнга не потому, что Лоуренс читал Юнга (что так и есть) и был впечатлен им (что, по его словам, во все не так), а потому что каждый из них был, по своим собственным причинам, увлечен поиском бога как дионисийского, так и аполонического типа, чтобы сместить аполоническое божество, смерть которого обвещил Ницше» [Мау, ix].

Необходимо отметить тот первый импульс со стороны психологии на литературу, который связан с деятельностью Уильяма Джеймса, известного американского психолога, который в своем эссе 1890 года фактически обосновал ставший позже литературным прием «потока сознания», подхваченный и широко использованный не только Э. Дюжарденом, Д. Ричардсон, М. Прустом, Дж. Джойсом, В. Вулф, У. Фолкнером и другими писателями-модернистами, но практикующийся и в настоящее время в литературе постмодернизма и не только. Понятие «потока сознания» (а также, по выражению Джеймса, «потока мысли») было инновационным даже для психологической науки того времени, потому что это понятие включало в систему образов психологического восприятия окружающего мира не только осязаемые, статичные, «реальные» предметы и явления, но и переходные, «транзитные», «летучие», и потому не поддающиеся фиксации образы, которые, тем не менее, отражаются в сознании. «Должно быть признано, что конкретные образы традиционной психологии формируют лишь самую малую часть нашего сознания...» [8, с. 36], – пишет У. Джеймс. Впоследствии данный термин закрепляется именно в литературе, не имея при этом той же важности в психологии.

Психологическая наука в XX веке получила новую подпитку в связи с дальнейшим развитием глубинной психологии. Важнейшие концепции, возникшие под влиянием разработок, экспериментов и теорий З. Фрейда позднее найдут свое отражение в художественных произведениях. Главной отправной точкой, захватившей умы людей, а в особенности людей творческого труда – писателей, было возникновение в психологической науке концепта «бессознательного». Не само признание существования бессознательного было революционным (это упоминалось еще Аристотелем, а в XIX веке представлено в философии А. Шопенгауэра («Мир как воля и представление», 1819) и Э. фон Гартмана («Философия бессознательного», 1869)), но его теоретическая разработка психологической наукой. Психоанализ выступил с целой программой радикального культурного переворота, а также, как пишет К. Валентайн, предложил ядро современного научного открытия [9, с. 32]. Зигмунд Фрейд и Карл Густав Юнг фактически сформулировали ведущие и до настоящего времени практически не оспоренные постулирующие концепции бессознательного, получившие широкое распространение среди психологов, интеллигенции, в том числе писателей.

Фрейд обосновал категорию бессознательного еще задолго до выхода в свет его работы «Введение в психоанализ» (1915 – 1917) следующим образом: он выделил врожденное бессознательное – фактически полностью детское сознание – на основе которого впоследствии и выстраивается сознательная структура психики индивида. Кроме того, по З. Фрейду, существует и другой вид бессознательного – тот вид психической, эмоциональной и умственной деятельности, который оказывается несовместимым с сознанием и постепенно вытесняется вглубь психики. Но это бессознательное содержание динамично: оно способно снова проявиться в мыслительном процессе.

Зигмунд Фрейд заложил основы веры в детерминизм психологический, а не философский. Он считал проявление свободной воли индивида возможным в той степени, в какой возможно освобождение от бессознательных импульсов. «Но в отношении писателей и других художников, да и всех тех, кто был шокирован открытиями XX века о человеческой природе, систему идей Фрейда можно рассматривать в ретроспективе как дар и проклятие одновременно» [6, с. xii], – такую оценку влияния идей З. Фрейда на литературу дает К. Мэй. Фрейдизм предоставил в пользование не только клад человеческих мотивов деятельности и поведения, но также и объяснение того факта, что варварство не было характеристикой лишь далекого европейского прошлого. В отношении противоречивой природы влияния фрейдизма на творческие умы можно отметить следующее: с одной стороны, эволюционный характер концепции бессознательного оптимистически предполагал победу сознания над подавленным бессознательным посредством его анализа. Но, с другой – творческий процесс оказывался заложенным именно в той части психики, которая и считалась «нездоровой», невротической, и потому подлежала своего рода «уничтожению».

Идеи З. Фрейда также объяснили тот факт, что человечество ощущало себя отделенным от естественных природных законов (как это, например, выражено в романах Т. Гарди и Ф. Кафки). В дальнейшем Д.Г. Лоуренс углубил концепцию разъединения человека и природной среды и в дополнение к сугубо творческим исканиям предложил свое собственное видение подсознания, которое писатель воображал

хранящимся еще глубже, чем подсознание по З. Фрейду. Лоуренс страстно противостоял Фрейду, оспаривал К.Г. Юнга, однако парадоксально, что его идеи оказываются во многом схожими с идеями этих психологов.

По мнению К. Мэя, первой фазой воздействия на художественное сознание было признание отдельной группой писателей того факта, что донные существовавшие социально и философски ориентированные интерпретации человека и его природы оказались недостаточными, что было в дальнейшем выражено во втором этапе художественного развития – использовании идей ученых-психоаналитиков для поисков решения проблем личности. И наконец, как обозначает эту фазу К. Мэй, «использование писателями – а в некоторых случаях, резкое осуждение – этих научных открытий» [6, с. xiii]. Прямое, осознанное освоение в художественном мире глубинных слоев сознания было начато такими писателями, как В. Вулф и М. Пруст. Однако творческая плеяда с четко ориентированными психологически целями гораздо шире: Элизабет Боуэн, А. Камю, А. Кёстлер, К. Маккаллерс, Х. Ортега-и-Гассет.

Связи между модернизмом и психоанализом исследовались множеством ученых на протяжении всего XX века. Общеизвестно и вряд ли требует подробного рассмотрения тот факт, что эти связи определили дальнейшее развитие художественной литературы и одновременно продвинули психоаналитическую практику еще в одном направлении – прикладной психоанализ, в частности психоанализ культуры, искусства, политики и общества, а также формирование психоаналитической литературной критики. В то же время редуционистское, узкое психоаналитическое прочтение литературы и искусства было воспринято многими писателями-модернистами как безнадежно механистическое. Влияние психоанализа сказывается и в динамике, и векторе движения поэтики текста: от вопросов традиционной литературы «Кто родители персонажа?», «К какому классу он принадлежит?», от «загадок» внешних сдвиг происходит к проблемам внутренним: «Кто я такой?» (вопросы идентичности) и «Каков я как личность?» (вопросы самоанализа).

В качестве клинической методики психоанализ в своем первоначальном проявлении заметно потерял актуальность, но его важность в качестве сформировавшего XX век «культурного нарратива» [9, с. 31] не подлежит сомнению. Критики зачастую обращаются к тем объективным социокультурным основам, которые в равной степени определили концептуальные стороны как психоанализа, так и художественной литературы. Таковыми можно считать сознание кризиса культуры в начале XX века; реакцию на хаос, разрушение всего цивилизованного и разумного, или «массовый психоз» первой мировой войны; изменившиеся представления о мире и человеке под влиянием К. Маркса, З. Фрейда и Ч. Дарвина. Высказывание, приписываемое У.Г. Одену «We are all Freudians now» («Мы все сейчас фрейдисты»), также подтверждает важность психоанализа для культуры межвоенного периода.

Глубинная психология З. Фрейда тем временем настойчиво внедрялась в мир литературы, при этом многие писатели, художники, музыканты, так или иначе, сталкивались с непосредственно клиническим опытом. Так, американская поэтесса Хильда Дулитл (H.D.) прошла курс психоанализа у З. Фрейда, написав впоследствии о нем книгу «Дань Фрейду» (*Tribute to Freud, 1956*); Герман Гессе в 1921 году стал на некоторое время пациентом К.Г. Юнга; Артура Шницлера Зигмунд Фрейд считал своим литературным двойником; Андре Бретон представил свой сардонический рассказ о его встрече с Фрейдом; Виржиния Вулф пришлось обратиться к психоаналитику др. Савадж в связи с психическими расстройствами; в той же ситуации Р.М. Рильке отказался от услуг З. Фрейда, а Дж. Джойс – К.Г. Юнга. Брат В. Вулф, Адриан, был психоаналитиком, ее друзья Джеймс и Алекс Стретчи стали переводчиками Фрейда, а издательство «Хогарт Пресс», основанное мужем писательницы, опубликовало эти переводы. Сальвадор Дали создал портрет великого психоаналитика во множестве перспектив и жанров; Д.Г. Лоуренс же считал, что он опроверг всю психоаналитическую систему и создал свой собственный психоанализ.

В своем интересе к современной психологии модернистская литература, как отмечает Р. Фельски, отличается «приближенностью модернистского текста к фрагментированной и бессвязной работе подсознания. И здесь увлеченность писателей-модернистов глубинным функционированием психики совпадает с возобновленным влиянием психоанализа на современную литературную теорию» [10, с. 207]. Понятие «психоаналитический роман» утверждается в литературоведении и критике только ближе к концу XX века. Однако первые образцы такой жанровой разновидности появились в 20-е годы XX века. Одним из таких произведений является роман Итало Звево (Этторе Шмиц, 1861 – 1928) «Самопознание Дзено» (1923). Роман во многом автобиографичен, но его жанровой доминантой явилось усиленное внимание его создателя не к внешнему событийному сюжету, а к сюжету «внутреннему», который развивается в психике персонажа, имеет свою завязку, кульминацию и развязку, свой конфликт и свой внутренний топос.

Звево описывается биографами и исследователями его творчества как склонный к рефлексии. Отсюда творческая цель романа – самопознание через психоанализ и изощренную игру с ним. Вероятно, что многие тенденции такого романного жанра, освоенного впервые И. Звево, формировались не без воздействия мощного внешнего фактора: первая мировая война. Автору с сильными пацифистскими убеж-

днями пришлось, безусловно, в прямом смысле слова выживать в своем психическом здоровье. Примечательно, что именно Дж. Джойс стал одним из постоянных и приверженных ценителей как этого психоаналитического романа, так и двух предшествующих – «Жизнь» (1892) и «Старость» (1898), хотя еще и не вобравших в себя новизну психологического эксперимента И. Зево.

Называя писателя «последовательным и беспощадным аналитиком», С. Ошеров прямо отзывается о творчестве И. Зево как о «психологическом эксперименте» [11, с. 12]. Определяющими чертами такого можно считать мотив преобразующей работы памяти, роднящий И. Зево с М. Прустом, мотив разрыва между реальностью и ее преломлением в психике человека, сознательное движение самопознающего сознания по пути психоанализа с целью вскрыть свои комплексы и излечиться от болезни. При этом рукопись, каковой представлена форма повествования, предназначается для врача-психоаналитика главного героя. В романе сталкивается непосредственно фрейдистский анализ психики с центром на Эдиповом комплексе и осознанное взаимодействие с заранее усвоенным толкованием психики. Таким образом, значение приобретают все внешне незначительные и случайные поступки героя, мельчайшие характеристики его поведения. Появляется психологизм, который высвечивает конфликт между «быть» и «казаться», камуфляжные оговорки, симптомы и рассуждения. Некоторые характеристики психологизма этого романа свидетельствуют об эволюционном и экспериментальном характере данной литературоведческой категории.

Психологизм романа И. Зево «Самопознание Дзено» имеет следующие инновационные черты: осознанная ориентация на классический психоанализ путем внедрения психоаналитика, доктора С., психоаналитического дискурса, проявившегося как на лексическом, так и на идейно-тематическом уровне, отдельный психологический сюжет, имеющий свою внутреннюю структуру, глубина и пристальность анализа психики героя, изображение внешнего мира через воспоминания, смещение временных планов, т.е. «психологическое» время романа, а также идейные постулаты, имеющие отношение к психике, а не моральным ценностям. Таковыми, например, можно считать следующие утверждения повествователя и автора «рукописи»: «Всякая попытка сделать нас здоровыми тщетна» [12, с. 438]; «Больше того – его хитрость возрастает пропорционально его слабости» [12, с. 438]. При этом, как отмечает уже упомянутый русский исследователь, И. Зево все же продолжает флюберовскую и гончаровскую антитезу: «ничемность» героя и буржуазная жизненная активность, при этом он справедливо заключает: «Новые литературные поколения дали несколько новое освещение этой антитезе. Пассивность, отщепенство, дезинтеграция героев их книг перестали быть признаками слабости, превратились в форму сопротивления жизненной практике буржуазного общества» [11, с. 19].

Распространение идей психоанализа сказалось, безусловно, в гораздо большей степени в культуре и литературе Западной Европы. Однако и в белорусской культуре новые психологические теории не могли не оказать влияния. В этой связи примечателен вклад белорусского просветителя, писателя, интеллектуала универсального уровня, общественного деятеля бывшей Западной Беларуси Станислава Семеновича Гринкевича (2 февраля 1902 г. – 25 июля 1945 г.). Его трагическая судьба (расстрел большевистской властью) не позволила его культурной деятельности стать доступной широкому сообществу. Только в конце XX – начале XXI века были опубликованы короткие сведения и очерки о жизни и творческой и научной деятельности этого борца за возрождение Беларуси («Энцыклапедыя гісторыі Беларусі», 1993; «Беларускія рэлігійныя дзеячы XX стагоддзя» Ю. Гарбинскага, 1999; зборнік «Вяртанне да сваіх: Станіслаў Грынкевіч, Франук Грышкевіч, Уладзіслаў Казлоўшчык», 1999; «Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя», 1999 – 2003). Станислав Гринкевич был первым в белорусской и польской науке, кто познакомил общественность с системой психоанализа З. Фрейда и К.Г. Юнга, с претензиями этого течения в области литературоведения и социологии.

Доктор Гринкевич уже тогда называл психоанализ «сыстэма [й], якая базуецца ў першую чаргу на гэніяльным уяўленьні, сапраўднасьць каторага пацьверджана; пацьвярджае далей жыцьцё ў сфэры паталёгіі адзінкі і грамады...» [13, с. 166]. И далее автор называет эту систему «магутнаю здабычаю думкі чалавецкае» [13, с. 166], «аснаўною здабычаю сучаснае культуры» [13, с. 169]. При этом, отмечая влияние психоанализа на литературный процесс, С. Гринкевич пишет: «Сапраўднаю літаратураю ня будзе літаратура факту, нараджэньне якое мы наглядзілі пасля вайны, а сёньня бачым, можна сказаць, поўны яе заняпад. Прыклад канкрэтны гэнае кароткае гісторыі літаратуры факту бачым у пісьменстве савецкім. Літаратура належыць да праяваў інтэлекту. Аднак межы, якія яна абхоплівае, шмат шырэйшыя, чымся сам інтэлект. У гэтым творчым працэсе, як у кожным іншым, трэба зачапіць аб старану, якая ў першую чаргу рашае аб вартасці і характары адзінкі, значыцца сфэру пачуцьцёвую. Мусіць яна закранаць інстынкты, мусіць абхапіць нясьведамасьць. Бязумоўна, што літаратура спаўняла гэныя задачы шмат раней, чымся Фрэуд апрацаваў свае тэзы, чымся укупіў у законы факты, абгаворываныя і паясьняныя ў літаратуры» [13, с. 171 – 172].

Заключение. Влияние психологии на литературу начала XX века сказалось на характере психологизма как художественных произведений в целом, так и на отдельных экспериментах с формой и идейным содержанием: ассоциация фрагментарности памяти с формой романа, прием потока сознания, акцентирование внимания на внутреннем сюжете, придание значимости как научному знанию, так и знанию перцептивному, появление нового жанра психоаналитического романа, активизация пропаганды психоанализа в эссеистике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Pascal, B. *Pensées*. Edited and translated by Roger Ariew / B. Pascal. – Indianapolis/Cambridge: Hackett Publishing Company, 2004. – 329 p.
2. Рассел, Б. Воздействие науки на общество / Б. Рассел; пер. с англ. В. Онышко. – М.: Изд-во иностр. лит., 1952.
3. Thiher, A. *Fiction Refracts Science: Modernist Writers from Proust to Borges* / A. Thiher. – Columbia and London: University of Missouri Press, 2005. – 297 p.
4. Bradbury, M. *The Modern British Novel* / M. Bradbury. – London: Penguin, 2001. – 624 p.
5. *Encyclopedia of Literature and Science* / ed. Pamela Gossin / Westport, CT: Greenwood Press, 2002. – 575 p.
6. May, K.M. *Out of the Maelstrom. Psychology and the novel in the Twentieth Century* / K.M. May. – London: Unwin Brothers Limited, 1977. – 135 p.
7. Beach, J.W. “Program” and “The Modernists” / J.W. Beach // *Modernism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*. Vol. I. 1890 – 1934; ed. T. Middleton. – L. and N.Y: Routledge, 2003. – P. 267 – 280.
8. James, W. *The Stream of Consciousness* // *Modernism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*. Vol. I. 1890 – 1934; ed. T. Middleton. – L. and N.Y: Routledge, 2003. – P. 27 – 36.
9. Valenine, K. *Psychoanalysis, Psychiatry and Modernist Literature* / K. Valentine. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003. – 224 p.
10. Felski, R. *Modernity and Feminism* / R. Felski // *Modernism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies*. Ed. Tim Middleton. Vol. V. 1992 – 2001. – L. and N.Y: Routledge, 2003. – P. 194 – 232.
11. Ошеров, С. Самопознание Этторе Шмица / С. Ошеров // Звево, И. Самопознание Дзено. – Л.: Худож. лит., 1972. – С. 3 – 20.
12. Звево, И. Самопознание Дзено / И. Звево. – Л.: Худож. лит., 1972. – 440 с.
13. Грынкевіч, Ст. Псыхоаналіза і праблемы – літаратурныя і грамадзкія / Ст. Грынкевіч // Калосьсе. Кн. 3. – Вільня, 1936. – С. 166 – 176.

Поступила 25.05.2012

**THE INFLUENCE OF PSYCHOLOGY ON FICTION
IN THE CONTEXT OF THE TURN OF THE 20TH CENTURY AND MODERNISM**

M. RAGACHEWSKAYA

*The article examines the influence of psychology on fiction at the turn of the 20th century and during the modernist period. In particular, due to a specific role of the clinical psychoanalysis in many European writers' biographies at the beginning of the 20th century, and taking into account the fact of their combing the literary and scientific activities, we can state their conscious orientation (V. Woolf, D.H. Lawrence, M. Proust, etc.) towards Freud's and Jung's theories which became very popular. In the article we also refer to the results of other scholars' research who analyze the main factors of the influence mentioned. Besides, some tendencies in the changing form and content of the novel created in this period are considered. The new forms of literary "psychologism" are presented on the example of I. Svevo's novel *The Confessions of Zeno* and the essay of a Belarusian writer St. Hrynkevich. The latter also serves as a demonstration of interdiscursivity in the essay genre where the contemporary achievements of psychology and psychoanalysis were actively professed. The main conclusion of the article consists of singling out several stages in the process of psychology/literature interaction, as well as in the interpretation of the genre of a psychoanalytic novel.*